

Д-р Владислав Краснов, бывший профессор и глава Русского отдела Монтерейского Института Международных Исследований, возглавляет ассоциацию американцев за дружбу с Россией RAGA (www.raga.org). Автор книги «Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению»

Император Михаил II в Доме Солженицына

Вступление

1 ноября 2017 в Доме Русского Зарубежья им. Солженицына была представлена книга-альбом историка Виталия Шитова «Дом Ипатьева. Летописная хроника в документах и фотографиях 1877–1977 гг.». В фокусе были проблемы 100-летия Октябрьской революции, выходящие далеко за пределы Дома Ипатьева. Дискуссию вёл Алексей Казаков, издатель-литературовед из Челябинска. Среди участников д-р исторических наук Людмила Лыкова, главный специалист Российского Государственного Архива Социально-Политической Истории (РГАСПИ); Алина Чадаева, писатель из Москвы, и я. *Внизу подробнее из того, что мне удалось представить в докладе только пунктирно.*

Мне было приятно выступить именно в этом Доме. С Александром Исаевичем меня связывает многолетняя дружба и общение в переписке и по телефону. Моя докторская диссертация 1974 г. о полифонии романа «В Круге Первом» была одной из первых в США, посвящённых Солженицыну. Позднее я расширил свой анализ на «Раковый корпус» и «Август Четырнадцатого», и в 1979 опубликовал книгу *Solzhenitsyn and Dostoevsky: A Study in the Polyphonic Novel*. В 2012 она вышла в русском переводе как «Солженицын и Достоевский: искусство полифонического романа». Её можно скачать на сайте Пермского Университета.

В годы перестройки, когда писал книгу о реформах в СССР, я перенёс сформулированный Михаилом Бахтиным полифонический метод из литературоведения к обзору нового мышления в СССР. В пику западным советологам, поощрявшим Горбачёва на «реформированный коммунизм», я представил в книге своего рода хрестоматию голосов гласности, звавших не к перестройке коммунизма, а к возрождению корневой системы досоветской России и преобразению страны на новых основах. И успел как раз вовремя. Книга под названием *Russia Beyond Communism: A Chronicle of National Rebirth* вышла в 1991, ещё до распада СССР. Свежий экземпляр я подарил Б. Н. Ельцину на Первом Конгрессе Соотечественников в Москве, сразу после того как он объявил о замене красного флага коммунизма национальным трехцветным. В 2014 книга вышла в русском переводе *Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению*.

Помнится, вскоре после прибытия в США в 1974 г. Солженицын обратился к русским эмигрантам с призывом посылать ему все памятники и артефакты царской России, которые помогли бы воссоздать объективную картину русской истории, скрытую, замолчанную, извращённую и просто уничтоженную советскими властями. Стало ясно, что он не только великий писатель русской земли, но и первый летописец нашей искорёженной истории. Не обладая артефактами царской эпохи, я счёл за честь приглашение передать мои американские бумаги в Дом Русского Зарубежья имени Солженицына. Мой архив сейчас в *растаможивании*.

При всём уважении к А. Л. Казакову, пригласившему меня выступить, я должен перенести внимание с Екатеринбурга на Пермь: с несуществующего Дома Ипатьева на кое-как существующее здание, известное в Перми как «Королевские номера».

Построенное незадолго до революции купцом Королёвым в качестве фешенебельной гостиницы, это здание известно в народе как Королевские номера потому, что в нём некогда проживал Великий Князь Михаил Александрович Романов, рангом не ниже королевского. Он был младшим братом царя Николая, отречшегося от престола в его пользу.

Некоторые историки называют его даже императором Михаилом II де-юре, хотя «правил» он меньше суток и коронован не был. Именно из этого здания Михаил и его секретарь Жонсон (Джонсон по первой версии) были выкрадены группой местных чекистов в ночь с 12 на 13 июня 1918 года и, вероятно, расстреляны.

Никаких останков до сих пор не найдено. Это злодеяние в Перми, происшедшее за пять недель до расправы в Екатеринбург, повлекло за собой расправы над «монархистами» в Перми и по всей России. И открыло серию падения монархий не только в России, но и в Австро-Венгрии, Германии, Османской империи, Италии, а позднее и в Испании. Спусковой крючок из Перми рассыпал domino монархий, определявших ранее «цивилизованный» миропорядок. В Перми испытывалась тактика большевиков не только ужаснуть и запугать своих противников, но и замести все следы.

«Живая карта» Михаила

Большевики чётко сознавали, что отрекшийся Николай был битая карта. Михаил же, от престола не отрекшийся, а уповавший на решение Учредительного Собрания (далее УС), был картой живой. На него противники большевизма могли сделать ставку и выиграть игру. Большевики насильно разогнали УС в январе 1918, но многие россияне к лету 1918 г. помнили, что на выборах в УС большевики потерпели сокрушительное поражение, набрав лишь около четверти голосов на самых демократических выборах того времени где-либо. Они помнили, что разгон УС привёл к массовым демонстрациям трудового народа, как их ярко описал Буревестник Революции Максим Горький, решительно осудивший разгон. Они понимали, что против них могли выступить не только монархисты и кадеты, но и эсеры и сионисты, совокупно имевшие гораздо больше делегатов.

Останков ни Михаила, ни Жонсона до сих пор не найдено и ничего не делается на государственном уровне, чтобы их найти. Можно сказать, что большевики преуспели в тактике отвлечения внимания от потенциального царя-демократа. Спустя 27 лет после бесславного конца тоталитарного государства в 1991 году, ими созданного, их клеветы продолжают темнить и запутывать общество.

Для меня тема Михаила имеет личностное значение. Я родился в паре кварталов от Королевских номеров. И одним из самых ярких воспоминаний детства был запрет на вход в это «страшное и злое» здание. Запрещено было и спрашивать, что здесь случилось. Попытки убить на корню детскую любознательность сыграли свою роль в моём решении отправиться за тридевять земель, чтобы узнать правду.

Когда я вернулся в родную Пермь через двадцать девять лет, я знал, ЧТО здесь произошло. Собрав группу родственников и знакомых, в сентябре 1991 г. я прибил памятный венок на стену гостиницы на ул. Карла Маркса 5. В присутствии нескольких бывших лагерников и журналистов, акция была освящена священником, сыном моего детского товарища, прошедшего через ГУЛАГ.

Через пару месяцев я уполномочил родных повесить на здании мемориальную доску памяти *«невинно убиенных без суда и следствия Михаила Романова и Брайана Джонсона»*.

С тех пор в Перми идёт движение за почитание памяти невинно убиенных. Сначала восстановили историческое название улицы: не Карла Маркса, а Сибирская, ибо это и есть главная магистраль России на просторы Сибири. Потом был опубликован сборник архивных материалов и другие книги, снят фильм, воздвигнут мемориальный крест, ежегодно проводились форумы, с 2007-го проходят ежегодные крестные ходы. По запросу Пермского краевого ВООПИКа, Михаил был официально реабилитирован в 2009 г., на год позже Николая II.

Сам я выступал на форумах в Москве, Петербурге, Кронштадте, Мурманске и Варзуге, Локти и Брянске, Пскове, Шарье и в Крыму. Выступал и по-английски в Русском Культурном Центре при посольстве РФ в Вашингтоне. В 2011 опубликовал сборник «Пермский крест: Михаил Романов» с целью показать, что почитание памяти Михаила – не местное «пермское чудачество», а поиск исторической правды, без которой не устоит никакая вертикаль власти.

Пользуюсь случаем поблагодарить выступавших здесь Алексея Казакова, Людмилу Лыкову и Алину Чадаеву, а также десятки активистов Перми и других городов, которые добровольно выполняют эту государственную миссию. Ресурсы наши очень ограничены. Власти Перми до сих пор не озаботились создать не то, что музей, а хотя бы комнатку со штатным работником, чтобы вести учёт исследованиям и находкам, связанным с памятью последнего законного правителя царской России. К счастью, Вячеслав Димов, учитель интернета гимназии имени Сергея Дягилева, создал и самоотверженно ведёт Виртуальный Музей Михаила Романова, в котором собраны материалы движения с начала 1990-х.

Встреча монархистов в Сологубовке 16 марта 2017

В марте 2017 мне довелось участвовать во встрече монархически настроенных активистов страны, организованной Анатолием Степановым – главным редактором патриотического сайта Русская Народная Линия (РНЛ), на котором публиковались и мои статьи. Народ собрался достойный, в том числе несколько моих друзей, людей образованных и пекущихся о судьбе страны. Встреча проходила именно 16 марта (3 марта ст. ст.), то есть день в день через сто лет ответа Михаила на неожиданное отречение Николая в его пользу.

Увы, из всех собравшихся в церковном здании в Сологубовке – а их была добрая сотня – Михаил почти никто и не вспомнил. Преобладающий тон был, что никакого отречения царя Николая не было, а было его отрешение от престола через заговор генералов. Об ответном Манифесте Михаила как бы и не стоило говорить.

В своём выступлении я напомнил некоторые факты, которые нынешние заядлые монархисты умудряются игнорировать, стараясь переиграть исторические события задним числом и задним умом. Ссылаясь на слова Николая «кругом измена, трусость и обман», они уверились в «заговоре генералов». Эта версия теперь тиражируется на ТВ «Культура». *Но забывают, что сам царь назначал людей, которые этим порокам якобы предавались.* Или ему это только казалось? Ведь каждый из пяти генералов, рекомендовавших отречение, был погружён в ту же атмосферу измены, трусости и обмана среди своих подчинённых. Неумелое ведение ненужной войны и – умелая антивоенная пропаганда большевиков – привели к такому повальному недоверию к власти, что «измена, трусость и обман» были повсеместны и повседневны. Или мерещились из-за каждого угла? СМУТА в умах привела к СМУТЕ в стране. Генералы же стремились к благу России не меньше, чем царь.

Стоит процитировать из *«Размышлений о Февральской революции»* Солженицына: *«Не материально подался трон – гораздо раньше подался дух, и его и правительства... Февральская революция была проиграна со стороны власти ещё до начала самой революции».*

«Вехи» не замечены, уроки 1905 не выучены

Солженицын прав, выводя кризис самодержавия в феврале 1917 из революции 1905 года, а то и раньше. Самые чуткие интеллектуалы революции, ужаснувшись жестокостью и нелепостью уличных боёв, спохватились и в 1909 г. опубликовали сборник «Вехи». Увы, уроки «Вех» не были усвоены интеллигенцией. Ставка на насилие, как самый быстрый способ добиться благополучия в стране, продолжала расти. В 1911 г премьер министр Петр Столыпин был убит террористом Мордко Богровым.

Помню, как после опубликования «Августа 1914» в США разразилась кампания против Солженицына с обвинениями в «антисемитизме» из-за того только, что он изобразил Богрова евреем. На конференции славистов в Вашингтоне я выступил с защитой Солженицына против клеветы, тем более что в его романе есть и положительные образы евреев. Особая нелепость теракта Богрова была в том, что как раз Столыпин делал много для облегчения правового статуса евреев, несмотря на сопротивление самодержца.

Монархисты в Сологубовке плохо знают историю России, если думают, что революция 1917 г. не случилась бы, если б не «предательство» нескольких генералов. Такие бездоказательные обвинения

оскорбительны для чести героев белых армий, многие из которых стояли за *непредрешенчество* и, подобно Михаилу, уповали на УС или какой-либо другой демократический процесс, чтобы добиться примирения в обществе после победы над большевиками.

По крайней мере, один белый генерал, Владимир Каппель, сражался в войсках Самарского КОМУЧа, Комитета Учредительного Собрания. Чуть ли не единственным белым генералом, поднявшим монархический флаг, был генерал Унгерн фон Штернберг, воевавший в Сибири и в Монголии. Человек он был храбрый и энергичный, но жестокий и взбалмошный. Но и у него хватило политического чутья, чтобы поднять на флаге имя Михаила, а не Николая. При всём уважении к мученической смерти Николая II и его семьи, белые генералы сознавали, что карта самодержавия была бита.

Нынешние ревизионисты забывают, что *ураган антимонархизма в Первой Мировой Войне* смёл не только самодержавие в России, но и Кайзера Германии, Императора Австро-Венгрии и Султана Османской Империи, а потом и монархии в Италии и Испании. На смену пришла эпоха пролетарских вождей, дуче, фюреров, каудильо и президентов.

Романовы гордятся Михаилом

В отличие от наших доморощенных монархистов-неофитов, те люди, которые имеют реальные основания считать себя монархистами и даже наследниками престола, объявить себя жертвами большевиков и предъявлять иски на компенсацию и восстановление доброго имени, эти люди воспринимают свой жребий как судьбу России. Они ведут себя с достоинством и с верой, что русский народ способен выбрать форму государственного устройства, оптимальную для нашего и будущих поколений.

Статья 4-я, пункт 2 их Устава гласит:

2. *«Члены Объединения членов рода Романовых согласны с тем, что все вопросы, касающиеся формы правления в России и... все вопросы династического характера могут решаться только великим русским народом в ходе «всеобщего, прямого, равного и тайного голосования» в соответствии с Манифестом великого князя Михаила Александровича, подписанного после отречения от престола императора Николая II».*

Как бы ни относиться к Манифесту Михаила, он был основным законом страны в течение почти девяти месяцев до разгона УС большевиками в январе 1918 г. В это время страна жила по «Слову Государеву» надеждой на народовластие. В церквах с благословения Святейшего Синода пели осанну «благочестивому Временному правительству». Образно говоря, Михаил законно зачал «чадо» русской демократии. Увы, как только младенец появился на свет в январе 1918 и закричал не то, на что надеялись большевики, его задушили. Потом в течение 73 лет мощью государственного аппарата старались скрыть государственное детоубийство, затемнить или высмеять его значимость. См. мою статью «Вклад Михаила Александровича в развитие конституционной системы в России» в журнале ГД РФ *«Представительная власть»*.

Мой ранний отклик на «Размышления» Солженицына

Мне уже доводилось выступать о Михаиле в Доме Русского Зарубежья. Откликнулся я и на эссе Солженицына «Размышления о Февральской революции», когда *«Российская газета»* напечатала его к 90-ой годовщине Февральской революции в 2007 г. Тогда я написал статью «Революция революции рознь», которая появилась в 2008 в журнале «Москва», где редактором был Леонид Бородин, диссидент и бывший узник лагеря «Пермь 36».

Мой упор был на солидарность с Солженицыным в оценке революционного процесса с 1905 по 1917 год. Но было и несогласие с ним в оценке личности Михаила и его роли в истории России. Позволю себе привести мой аргумент:

«Медлительность царского правительства в первые дни беспорядков привела к их эскалации. Ситуация ещё больше усугубилась мятежом военных частей, расквартированных в Петрограде. Уже через пару дней уличного самосуда стало ясно, что это – революция. И подавить её можно было только армией, рискуя развязать гражданскую войну. На такой риск царь Николай не мог».

пойти, будь то в силу своих убеждений или осознания потери авторитета среди военачальников. Поэтому он и отрекся от престола в пользу младшего брата Михаила, чей авторитет в армии был гораздо выше. Он явно рассчитывал на решительные военные меры со стороны Михаила.

Но плохо знал царь своего брата. Михаил был не менее совестлив. Неизбежное пролитие русской крови в условиях внешней войны претило ему не меньше, чем Николаю. (Он) знал, что самодержавие не может быть спасено. Почему же он не объявил себя конституционным монархом, как ему советовали некоторые думцы? Не должен ли он был спасти династию? Этот вариант был реален несколько дней назад. Но Николай упустил его и для себя, и для сына, и для Михаила. Принимая решение 3-го марта 1917 года, Михаил понимал, что не только самодержавие, но и конституционная монархия не могут быть спасены. Единственный шанс для победы над внешним врагом он видел в примирении с теми, кто вчера требовал отмены самодержавия, а сегодня и монархии вообще».

Подписав Манифест о передаче власти Временному Правительству с тем, чтобы оно подготовило выборы в УС для решения вопроса о форме государственного устройства, Михаил «поставил интересы страны выше интересов династии и своих собственных. Единственную надежду для Романовых он видел в добровольном возвращении их суверенной власти к её источнику. В 1613-ом они были возведены на престол народной волей Земского Собора. В 1917-ом они могли вернуть себе власть через суд народной воли в УС ... Приняв шапку Мономаха из рук самодержца, Михаил не увенчал ею свою голову, но и не отрёкся от престола. Он вернул её к своему источнику. Подписав манифест о не восхождении на престол до решения Учредительного Собрания о форме правления, Михаил дал стране шанс для победы над внешним врагом».

Сейчас пришло время заострить внимание на моём расхождении с Солженицыным по Михаилу. При чтении эссе надо помнить, что оно писалось в 1980–1983, на основе источников Института Гувера в США. Источниковедческая база Солженицына была весьма ограниченной, не по его вине. Это особенно касается Михаила, ибо большинство материалов о нём не было доступно и к 1995 году, когда эссе было впервые опубликовано в России, ни даже к 2007, когда оно тиражировалось «Российской газетой».

Начнём с двух важных источников, неизвестных Солженицыну. Это – сборник «**От престола до Голгофы: Скорбный путь Михаила Романова**», вышедший в Перми в 1996 году при участии выступавшей здесь Людмилы Лыковой, и фундаментальная книга супружеской пары из Великобритании Дональда и Розмэри Кроффорд под названием *Michael and Natasha: The Life and Love Of Michael II: The Last of The Romanov Tsars*.

Книга была написана на изучении архивных материалов Петербурга, Москвы, Перми, Австрии и Великобритании, где Михаил пребывал в ссылке с 1912 по 1914. Вышедшая в Англии в 1997, книга Кроффордов была переведена на европейские языки, но на русском издана лишь в 2008 году.

Упрёки Солженицына Николаю и Михаилу

Солженицын в том эссе признавал, что «В ночь с 1 на 2 марта Петроград проиграл саму Россию – и больше чем на семьдесят пять лет». Что же тогда можно было ожидать от Михаила утром 3 марта, то есть после того, как всё было проиграно, по признанию самого Солженицына? Ведь лавина революции продолжала нарастать с каждым часом. Речь шла уже не столько о престолонаследии, сколько об угрозе гражданской войны. Россию надо было спасти не только от смуты гражданской войны, но и от наступающего внешнего врага. И Михаил сделал всё, что было в его силах, и – что позволила ему его христианская совесть. Своим манифестом Не-Отречения, Михаилу удалось сразу же остановить раскат революции и предотвратить гражданскую войну до Октябрьского переворота.

Как только Манифест вышел, все партии, включая большевиков, выразили поддержку идее Учредительного Собрания, и стрельба на улицах Петрограда прекратилась.

Это вынужден был признать и Николай в дневнике о событиях 16 марта (3 марта ст.ст.): «(Начальник штаба) Алексеев пришёл с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрёкся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше».

*Автор статьи прибывает первый венок
в сентябре 1991 г.*

*Перед первой доской памяти Михаила и Джонсона
на здании «Королевских номеров» по улице К. Маркса
№ 5 (теперь снова Сибирской) в начале 1992 г.*

*Игумен Варфоломей освящает покаянный крест
Михаилу в Перми 12 июня 2010 г.*

«Королевские номера», г. Пермь

*Великий князь
Михаил Александрович Романов
(22.11/(5.12) 1878 г. — 12.06 1918 г.)
Портрет Михаила кисти Репина*

*Памятник бойцам ингушского полка Дикой Дивизии
в Назрани*

Николаю не понравилось, что выборы в УС пройдут на самой широкой основе. Но обещание «*Всеобщего, прямого, равного и тайного голосования*» было в духе времени. Михаил чутко уловил настроение образованного фрондирующего общества в пользу *четырёххвостки*. Будь на то его воля, он не стал бы проводить выборы до конца войны, ибо хаос даёт преимущество анархистам и радикалам. Кавалерийский военачальник знал, что лошадей на переправе не меняют. Но он также знал, что надо срочно остановить – не подавить! – мятеж в столице. Если бы Михаил не подписал эту «гадость», то лишил бы брата удовольствия написать: «*В Петрограде беспорядки прекратились*» и надеяться: «*лишь бы так продолжалось дальше*».

Увы, на Манифест Михаила, опубликованный в тот же день в одном газетном развороте с Манифестом Николая, леволиберальная печать, задававшая тон в стране, тотчас наклеила тот же ярлык «отречение». Ярлык был лживый: ибо, если это и было «отречение», то было оно строго условным. Михаил сразу же затормозил рвение большевиков к революции и гражданской войне и тем самым увеличил шансы России выйти из войны победоносно. А когда через пару недель США объявили войну Центральным державам, исход войны в пользу Антанты был предreshён.

Однако, поддержав на словах идею выборов в УС, большевики не сняли лозунга «*Превратить войну империалистическую в войну гражданскую!*». А Временное Правительство, которое Михаил уполномочил управлять страной до решения УС – быть ли России самодержавной, или ограниченной монархией, или республикой – потеряло бразды правления почти сразу же.

Во-первых, оно не сумело (или не захотело) аннулировать Приказ № 1 Петроградского Совета о контроле солдат над офицерами, изданного за два дня до встречи на Миллионной. Именно этот приказ привёл к Двоевластию в стране, окончательно разложил армию и поощрил большевиков к попыткам переворота с целью развязать гражданскую войну и подстегнуть мировую революцию. Этой цели они добились Октябрьским переворотом и разгоном УС в январе 1918. Во-вторых, вопреки духу Манифеста Михаила, Временное правительство стало устранять с постов монархически настроенных командиров, в том числе и генерал-инспектора кавалерии Михаила. Тем самым были подорваны все шансы на победу.

Но идея УС была настолько популярна, что Керенский не отменил её. Провозгласив Россию республикой в сентябре 1917, он полагался на антимонархические настроения фрондирующей интеллигенции, но считал эту меру временной вплоть до проведения выборов в УС.

Большевики тоже, даже после захвата власти в Октябре, не решились на отмену выборов в УС, ибо жили иллюзией популярности на избирательных участках. Но убедившись в январе 1918, что потерпели сокрушительное поражение, решились на разгон УС. Когда же питерцы вышли на демонстрацию протеста, большевистские боевики расстреляли их. Так, в надежде на мировую революцию, Ленин добился долгожданного повода к гражданской войне в России.

Солженицын неправомерно объединяет двух братьев в одну упряжку некомпетентности, нерешительности и слабости. Упрекнув сначала Николая в неспособности управлять ни страной, ни армией, Солженицын добавляет, что и Михаил проявил «*ту же душевную слабость и то же стремление ОСВОБОДИТЬСЯ самому... побыть с женой между двумя служебными должностями*». Этот вывод несправедлив по отношению к Михаилу. ***Далеко не все источники были доступны Солженицыну, и он полагался скорее на интуицию и сложившиеся трафареты, чем на факты.***

Это особенно касается источников по Михаилу. В 2006 я несколько дней внимательно изучал дневники и переписку Михаила в Главном Архиве Российской Федерации (ГАРФ). У меня осталось самое благоприятное впечатление о нём как о личности, полководце и государственном деятеле.

Я говорю это при всём уважении к Солженицыну не только, как литератору, но и историку. Он сделал смелую попытку воссоздать трагедию России в эпоху революции, внешней войны и войны гражданской в его цикле «*Красное Колесо*». В то время советские историки были зашорены марксизмом – ленинизмом, ограничены цензурой и просто боялись.

Я восхищаюсь его главой о Петре Столыпине, как о государственном деятеле и герое, стремившемся – с постоянным риском для жизни – к замирению внутри страны и с соседями. Он ввёл эту главу в «*Август Четырнадцатого*» задним числом. Историческое чутьё ему подсказало, что революций 1917-го не понять без анализа революции 1905-го и героической попытки Столыпина вывести страну из революционной лихорадки. Недаром большевики так ненавидели его. Солженицын же в США мог полагаться на архивы Института Гувера, недоступные тогда в СССР. Создав образ

Столыпина, он показал, что у России был другой эволюционный путь развития—более продуманный, взвешенный: справедливый внутри страны и миролюбивый во внешней политике.

А вот отношение Солженицына к Михаилу сложилось предвзятым и внутренне противоречивым. С одной стороны он пишет: *«Если надо выбрать в русской истории роковую ночь, если была такая одна, сгустившая в несколько ночных часов всю судьбу страны, сразу несколько революций, – то это была ночь с 1 на 2 марта 1917 года».*

Но тут же противоречит себе: *«Концом монархии стало отречение Михаила. Он – хуже, чем отрёкся: он загородил и всем другим возможным престолонаследникам, он передал власть аморфной олигархии. Его отречение и превратило смену монарха в революцию...»* Если судьба страны была решена в ночь с 1 на 2 марта, как же можно говорить, что *«Концом монархии стало отречение Михаила»* 3-го марта?

Солженицын о «душевной слабости» Михаила

Дальше – хуже: *«В отречении Михаила мы наблюдаем ту же душевную слабость и то же стремление ОСВОБОДИТЬСЯ самому. Даже внешне похожи действия братьев: почти в тех же часах, как сорвался Николай в путешествие к супруге, – пустился и Михаил в Петроград ... И так же, как Николай во Пскове, Михаил на петроградской квартире лишился свободы движения. И так же в западне был вынужден к отречению – да отчасти, чтоб и скорей повидать любимую умницу жену».*

Эти нападки – не историография. Солженицын упрекает Михаила в мелочном эгоизме и отсутствии патриотизма в роковой час не только для династии, но и для России. Думаю, для историка это неприемлемо. Моё восхищение писателем заставляет принципиально не согласиться с ним по этому вопросу.

Несомненно, что львиную долю ответственности за кризисную ситуацию в стране несёт Николай. Из этой кризисной ситуации мог вывести только смелый политический маневр. *Отречение Николая было такой попыткой, но оно фатально запоздало.* Всё-таки, в отличие от монархистов в Сологубовке, я считаю, *Николай заслуживает похвалы за то, что, повинувшись христианской совести, подавив в себе тщеславие и обиду, пошёл на уничтожительное отречение.* Увы, его отречение, сначала в пользу больного сына Алексея, потом в пользу брата Михаила запоздало, по крайней мере, на пару дней, и не смогло остановить революции, угрожавшей перерасти в гражданскую войну.

Задача остановить раскат революции выпала на долю Михаила. И он справился с ней. Но ему пришлось передать судьбу монархии на *«волю великого народа нашего»*, которому он доверил определить форму управления страной через своих представителей, выбранных всенародным, прямым, равным и тайным голосованием.

Владимир Хрусталёв

Как бы в ответ Солженицыну, Владимир Хрусталёв, кандидат исторических наук и главный специалист Государственного Архива РФ (ГАРФ) в книге *«Великий князь Михаил Александрович»*, вышедшей в 2008 г., отзывается о Михаиле гораздо более лестно.

«Волей обстоятельств и случая Михаил II оказался формально последним императором на Российском Престоле, если считать временем его царствования неполные сутки со 2 на 3 марта 1917 г.», пишет Хрусталёв. *«Даже после «отречения» от «восприятия верховной власти» он сохранял реальные шансы на таковую»* (с. 5).

Насчёт личности Михаила, Хрусталёв приводит несколько отзывов в другой книге, которой он был составителем и редактором, *«Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича. 1915–1918»*, вышедшей в 2012 г. Вот мнение полковника А.А. Мордвинова, который был адъютантом Михаила с 1904 по 1912 гг. и мог лучше, чем кто-либо, наблюдать за поведением своего начальника.

«Высокий, стройный, сильный, с правильными чертами лица, с удивительно красивыми, лучистыми, немного задумчивыми, большими глазами, он сразу останавливал на себе внимание, а его

застенчивая, добрая улыбка, простота обращения и чувствуемая во всем его существе юношеская искренность и прямота невольно привлекали к нему всех тех, кому приходилось с ним соприкасаться. Он был один из немногих людей нашего времени, кому удавалось сохранить до зрелых лет, в полной неприкосновенности, всю целомудренную чистоту своего тела, как и помыслов...».

«В жизни он следовал бессознательно, из-за какой-то внутренней потребности, завету— Будьте как дети! — и вероятно, несмотря на все позднейшие, выпавшие на его долю испытания, он в основных чертах своего характера остался бы таким же, дожив до седых волос».

«Он действительно не любил (главным образом из деликатности) настаивать на своём мнении, которое у него всегда всё же было, и из-за этого чувства такта стеснялся и противоречить. Но в тех поступках, которые он считал — правильно или нет — исполнением своего нравственного долга, он проявлял обычно настойчивость, меня поражающую».

Другой сослуживец великого князя, генерал-лейтенант А.А. Мосолов, пишет, что Михаил *«отличался исключительной добротой и доверчивостью... Смелый, физически сильный, великий князь выказал себя способным начальником».* Согласно Мосолову, граф Сергей Юльевич Витте (1843–1915), видный государственный деятель, преподававший царственным братьям, *«всюду хвалил способности Михаила Александровича, которому он давал уроки политической экономии. Он подчёркивал его правдивость и откровенность...»*, а его брата похвалил только за воспитанность, ибо *«умственными способностями Николай II не блистал».*

Напряжение физических и нравственных сил в условиях войны, когда ежечасно стоит вопрос о жизни и смерти, заставляет человека по-новому взглянуть на мир. Вот что особенно привлекло моё внимание, когда в феврале 2007 года я работал несколько дней в библиотеке ГАРФа. Из архива я заказал папку с перепиской Михаила с женой Натальей. В длинном письме с фронта, датированном 22–23 января 1915 г. из деревни Ломна, Михаил пишет: *«Я благодарен судьбе, что благодаря тому, что попал в не (совсем) нормальные условия жизни, я прозрел и вижу настоящую жизнь и настоящее отношение к нам людей... Война и весь этот огромный ужас, который она за собой влечёт, поневоле наводит каждого здравомыслящего человека на самые грустные мысли...»*

Михаил доверительно поясняет: *«я чувствую большое озлобление к людям вообще, а главным образом к тем, которые стоят наверху, во главе, и допускают весь этот ужас».*

Читая об озлоблении Михаила к верхам, к которым он сам принадлежал, как тут не вспомнить о письмах капитана Солженицына своему фронтовому другу Николаю Виткевичу, в которых он, согласно Википедии, нелицеприятно высказывался о руководстве «Пахана», «сравнивал сталинские порядки с крепостным правом и говорил о создании после войны «организации» для восстановления так называемых «ленинских» норм». Как известно, за такое инакомыслие, хотя и в рамках официальной идеологии «ленинизма», Солженицын был арестован на передовой, чтобы начать восхождение по всем ступеням сталинского ада в тылу.

Михаил же продолжал излагать Наташе своё прозрение: *«Если бы вопрос войны решался исключительно народом, в таком случае я бы не так горячо восставал против этого большого бедствия, но ведь дело то в том, что вопрос быть войне или не быть всегда решает правительство и, в общем, никто и никогда не спрашивает мнение у страны, у своего народа, как они желали бы поступить?»*

Поскольку ход войны вскоре обратился не в пользу России, Наташе тоже пришлось сделать свой вклад в тылу и превратить их дворец в Петрограде в санитарный лазарет. А Михаил продолжает: *«Мне бывает даже совестно перед людьми, т.е. перед солдатами и офицерами; в особенности, я это чувствую при посещениях лазаретов, когда видишь столько страданий, — и могут подумать, что ты сам виновник в войне, стоишь так высоко и не мог предупредить и оградить свою страну от такого бедствия».*

Да, по сравнению с Солженицыным, Михаил стоял «высоко», но не настолько, чтобы хоть как-то повлиять на вопрос о войне и мире. Но когда война началась, он не стал отсиживаться за границей, куда был сослан волей самодержца из-за его морганатического брака с Натальей, не стал выискивать какую-либо дипломатическую должность по поставке России продовольствия или оружия из-за границы, но просил брата простить его прегрешение и позволить ему служить отечеству на передовой. Что царь и сделал, поручив Михаилу весьма неординарную миссию командовать «Дикой дивизией», которая только начинала формироваться.

И Михаил показал себя храбрым воином и умелым военачальником, дослужившись до командования кавалерийским корпусом и должности генерал-инспектора кавалерии. При этом Николай отнюдь не давал поблажек брату. Но что особенно сближает русского генерала кавалерии Первой Мировой войны с капитаном артиллерии Второй мировой, это стремление выполнить свой воинский долг перед родиной, но при этом сохранить свою совесть, здравый смысл и заботу командира о сбережении народа.

Роберт Мэсси

Хрусталёв цитирует также книгу Роберта Мэсси *«Николай и Александра»*, по которой я некогда учился английскому языку: *«Отречение Николая и Алексея сделало царём великого князя Михаила. В народе существовало старинное поверье: когда на трон взойдёт Михаил, Россия достигнет своей многовековой цели – присоединит Константинополь... Если бы Михаил взойшёл на трон, а союзные армии выиграли войну, создались бы необходимые предпосылки для того, чтобы народное поверье стало действительностью»*.

Новинка Натальи Чернышовой-Мельник

А вот и новинка. Знающая и упорная радетельница памяти Михаила, участница форумов в Перми и Петербурге, Наталья Чернышова-Мельник только что опубликовала уже вторую книгу, посвящённую Михаилу. Книга так и называется *«Последний Император: Жизнь и любовь Михаила Романова»*. Я не успел книгу прочесть, но её название и описание от издателя говорят сами за себя: *«де-юре последний русский император»*, отрекшийся от престола *«с верой в Учредительное собрание и русский народ. И в этом была огромная нравственная сила миротворца и первого гражданина свободной России, призвавшего соотечественников выполнить свой общественный долг участием в демократических выборах. И не его вина, что — не сбылось...»*.

Репортёр в Дикой дивизии

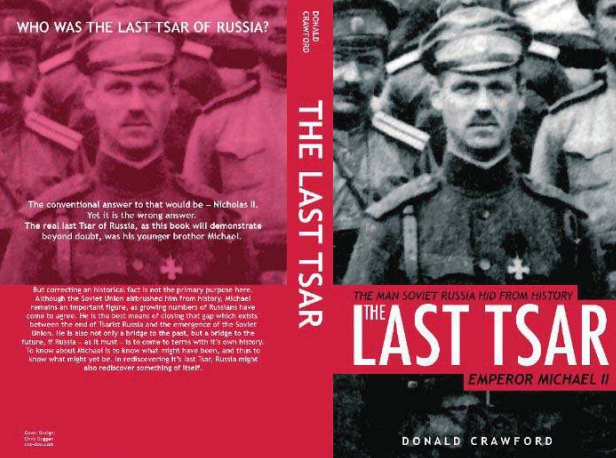
Создавая образ Михаила в *«Размышлениях»*, Солженицын даже не упоминает о его выдающейся и даже уникальной роли в качестве отважного командира легендарной *«Дикой дивизии»*. За умелое командование Михаил был возведён в командиры кавалерийского корпуса и в январе 1917 назначен генерал-инспектором кавалерии. И – что особенно важно для многоэтнической России – Михаил показал себя виртуозом в общении с мусульманами, другими иноверцами и людьми самых различных культур. Солженицын просто не знал ни о книгах Хрусталёва, ни о книге Олега Опрышко *«Кавказская конная дивизия»*, которая вышла в 2007 году.

Вот что писал о Михаиле газетный репортёр, посетивший Дикую Дивизию в 1915 г на линии фронта:

«Такая открытая лучистость взгляда – свойство высоких, кристально-чистых натур. Изучая его взгляд, начинаешь понимать обаяние, внушаемое В.Кн. Михаилом всем тем, кто хоть однажды видел его близко. В чём же секрет такого властного очарования? Душа благородная, прекрасная, угадывается во всём, в каждой фразе, в каждом взгляде, жесте. Этот человек – сама олицетворённая искренность, так гармонично переплетающаяся с царственной простотой. (Он) не только любимый всеми начальник, покрывший славою себя самого и дивизию, но и отважный, не знающий страха солдат».

Не только воинская доблесть и дружелюбие отличали командира: *«В.Кн. трогателен скромной и простой любовью – он весь в этой чарующей простоте – любить Россию и всё русское. ..И в религиозности В. Кн. что-то напоминающее древнюю васнецовскую Москву, которая, к слову сказать, всегда так по сердцу Его Величеству. (Он) не пропускает ни одной обедни, и храм так гармонирует со всем его обликом. Прихожане – толпа наших серых героев. Впереди – высокий, стройный и гибкий стоит В. Кн., ушедший целиком в молитву»*.

Дивизия состояла из шести полков народов Северного Кавказа: кабардинцев, черкесов, ингушей, чеченцев, дагестанцев и татар. Все служили добровольно, ибо не подлежали воинской повинности.

Обложка последней книги Дональда Кроффорда

«Последний царь», переведённой на русский

коллективом учеников старших классов Пермских школ

19 мая 2010 г. игумен Митрофан ведёт литию

перед зданием на Миллионной 12,

где Михаил подписал Манифест

«Горцы, высоко ценящие личную отвагу, с каким-то чисто мусульманским фанатизмом боготворят своего вождя. Между собою любовно называют В. Кн. «наш Михайло» и пишут восторженные письма в свои далёкие горные аулы».

Казачий офицер Дикой Дивизии Сергей Курнаков вспоминает о знакомстве с Михаилом: «Мне никогда раньше не приходилось встречаться с великими князьями. Этот был одно обаяние. Чистые голубые глаза излучали доверие. Осанка прямая и стройная, но не высокомерная. И тело римского гладиатора». Курнаков заключает: «Как было бы хорошо отдать жизнь за такого человека. Не зря кавказцы обожают его».

Американский репортёр Стэнли Уошберн (Stanley Washburn) увидел брата царя в 1915 г. на фронте в форме без броских знаков отличия, но со Святым Георгием на груди. И записал: «Более простого и демократического человека трудно себе представить». «(Живя) так же просто в грязной деревне на переднем крае русского фронта» (как окопные войны), Михаил «излучал тот самый непреклонный оптимизм, которым русская армия отличалась везде».

О полководческих талантах Михаила высоко отзывались генералы Алексей Брусиллов, Пётр Краснов и командир Кавалерийского корпуса, в который входила Дикая Дивизия, генерал Гусейн хан Нахичеванский, тоже расстрелянный большевиками в 1919.

Посол Франции Морис Палеолог записал в своём дневнике впечатление одного из участников встречи на Миллионной: «В продолжение всех этих долгих и тяжёлых споров великий князь ни на мгновение не терял своего спокойствия и своего достоинства... В этот исторический момент он был трогателен по патриотизму, благородству и самоотвержению».

Принимая Манифест из рук Михаила, Керенский воскликнул: «Вы великодушно доверили нам сосуд Вашей власти. Я клянусь Вам, что мы передадим его Учредительному Собранию, не пролив из него ни одной капли».

Не вина Михаила, что ни Керенский, ни Временное правительство не сдержали клятву, отдав «сосуд власти» на поругание большевикам.

«Вы можете указать хоть одну сильную группу работников или умов государственного направления, на которую можно опереться», вопрошал Михаил своего адвоката Н.Н. Иванова ещё до отречения Николая. И сам отвечал: «Я не вижу. Одни штыки кругом. Штыки и клинки».

Не вина Михаила, что не было в стране ни одной общественной силы, искавшей мирного, ненасильственного преодоления смуты. Иванов вспоминает разговор с ним после отречения, когда, вероятно, поползли упреки, дескать, смалодушничал, не оправдал царского доверия, не решился пролить малую кровь подавления мятежа, чтобы предотвратить большую кровь революции. «Ну, пожмёте ли Вы мне руку?», спрашивал Михаил. И отвечал: «Я поступил правильно. Я счастлив, что я частное лицо. Я и отказался, чтоб не было никаких поводов проливать кровь».

Такнебудем же упрекать Михаила за «безволие», «политическую слепоту» и «наивность». Небудем и высмеивать его Манифест, как надиктованный «жидо-масонами» и агентами не то Германии, не

то Англии. Михаил внимательно прочёл составленный юристами текст, сделал поправки и добавил самое существенное: что он обращается к русскому народу, *«призывая благословение Божие»*. Он поступил в гармонии с его христианской совестью. Не ставил Манифест на голосование. Подписал *самодержавно* своим именем. *«Это была героическая попытка вывести Россию из состояния смуты, не поступившись ни здравым смыслом, ни христианской совестью, ни прерогативой монарха»*.

Михаил шёл по стопам своего небесного покровителя Святого благоверного князя Михаил Тверского. Тот пожертвовал собой, сдавшись на милость Хана Золотой Орды во избежание междоусобной войны с князем Московским Юрием Даниловичем. К часовне Михаила Тверского пермяки ежегодно, начиная с 12 июня 2007, совершают крестный ход в память о бессудном убиении Михаила Александровича и его секретаря Джонсона сто лет назад.

По мирским понятиям, попытка Михаила Александровича не удалась. Не удалось ни предотвратить поражения России в Мировой войне, ни удержать её от войны гражданской. Но увенчалась его восхождением на Голгофу Пермского креста. Вместе с ним на Голгофу взшла и вся совестливая Россия.

Крофорд о Михаиле

Выступая на конференции в Перми 12–13 июня 2008 г., почивший в 2017 г. Дональд Крофорд сказал: *«Мы никогда не сможем до конца осознать, что было потеряно вместе с его трагически оборванной жизнью. Но то, что мы знаем о нём, заслуживает вечной памяти и высокой чести. Все народы нуждаются в цельной исторической памяти. Если есть человек, который мог бы послужить мостом через пропасть, отделяющую царскую Россию от России новой, это, несомненно, Михаил, наиболее цельная и непротиворечивая личность из последних Романовых, единственный, кто до сих пор заслуживает всеобщего внимания и уважения»*.

Житие Михаила Александровича?

Англичанину Крофорду вторит русский автор. *«Мы помним, что в своё время живший в пермской ссылке Михаил Александрович беспокоил большевистских вождей, несомненно, больше, чем Николай. Это был реальный император, с реальным авторитетом в войсках. Потому Михаил II должен был быть уничтожен как можно скорее»*. Так пишет в книге *«Икона Великого Князя»* игумен Митрофан Баданин, ныне возведённый в Епископа Умбского и Североморского.

Он повествует об иконе Казанской Божьей Матери, подаренной Михаилу в память о чудесном спасении семьи императора Александра III при крушении императорского поезда на станции Борки в 1888 г. На форуме памяти Михаила в его бывшем дворце на Английской набережной в Петербурге в мае 2010, игумен рассказал, как его дед спас эту икону от разграбления дворца во время революции. С риском для жизни дед сохранил её через самые суровые годы советских гонений. А в 2012-ом на форуме в Мурманске игумен Митрофан одарил участников книгой, которую читаешь как житие святого. Михаил был канонизирован Русской Православной Церковью За рубежом (РПЦЗ) ещё в 1981 году.

«Думается, что если бы Михаил Александрович имел время и возможность оставить нам свои прощальные наставления», пишет Игумен на с. 150, *«то он повторил бы слова своего венценосного брата-страстотерпца Николая Александровича, записанные Великой Княгиней Ольгой: Отец просил передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет ещё сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь...»*

В недавнем интервью Епископ Митрофан подтвердил, что хотел *«показать духовный облик Михаила Александровича как одного из лучших представителей той, увы, исчезнувшей России»*. И выразил готовность добиваться канонизации Михаила и для этого *«изучать документы»*. Увы, *«До последнего времени мы имели такую возможность, но сейчас, как известно, архивы закрыты на сто лет»*. Поэтому *«возобновить работу по прославлению мучеников в полной мере сейчас трудно»*.